

Юлия Флери

18+

**Разреши
тебя
любить:**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

возвращение к мечте

Юлия Флёри

Разреши тебя любить.

Возвращение к мечте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68009366

SelfPub; 2022

Аннотация

Начать жизнь заново. Вычеркнуть, растоптать, забыть. Измениться самой или изменить его. Вычеркнуть, растоптать, забыть... Себя? Его? Начать жить заново с кем? Не хочу терять. Не могу остаться. Жизненный опыт, как самый дорогой учитель. За эти уроки мы платим собственным счастьем. И как бонус – эти уроки мы запоминаем навсегда. Не могу больше молчать. Не могу сказать, что уже конец. И снова бегу. Вся жизнь как сплошной побег... От себя? От него? А может, самое важное к кому бежать, а не от кого? Начать жизнь заново, но не с ним. Без него. Главное не споткнуться о тень ускользающего счастья. Главное остаться верной своей мечте. Только вот какая она... мечта?..

Внимание! Книга является второй и заключительной частью серии.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	15
ГЛАВА 2	27
ГЛАВА 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юлия Флёри

Разреши тебя любить.

Возвращение к мечте

ПРОЛОГ

«Помни: веди себя спокойно, на провокации не реагируй, для протестов у тебя есть защитник. Через час я буду тебя ждать здесь, – давал последние наставления Данила. Беспокоился ничуть не меньше, чем я сама.

– Я всё помню, – вяло и устало отозвалась я.

Последний месяц дался тяжело, и желание продолжать всю эту затею отсутствовало напрочь. Даня ещё раз подбадривающе улыбнулся, кинул грозный взгляд на адвоката и только после этого легко подтолкнул меня к административному зданию. Игорь был уже в зале, сверкал глазами, пытаюсь взглядом испепелить меня и моего представителя. Уголок его рта, то и дело приподнимался, пытаюсь изобразить улыбку, но его оскал до этого звания не дотягивал. В какой-то момент он о чём-то задумался, отвлёкся от окружающей суеты и теперь смотрел в одну точку.

А думал Игорь о разговоре недельной давности со своим адвокатом. Молодого, но достаточного хваткого и опытно-

го специалиста по бракоразводным процессам ему посоветовал кто-то из знакомых, рекомендовали как высококлассного юриста, который не проиграл ни одного дела, однако это не избавило от первого скептического взгляда.

– Что вы хотите от процесса? – без предисловий начал адвокат и вцепился в Игоря хищным взглядом.

– В каком смысле?

– В том смысле, чего ждёте от завершения дела: отдать жене всё, что ей причитается, оставить без гроша в кармане, разделить имущество и так далее. Что конкретно?

– Я хочу всё, – пожевав губами, Игорь нервно побарабанил пальцами по столу.

– Конкретнее. Обязательные пункты. Это важно, поверьте.

Ещё один скептический взгляд и Игорь откинулся на спинку кожаного кресла.

– Конкретно, я хочу поставить Оксану в такие условия, чтобы она отказалась от развода.

– То есть?

– В смысле я не хочу с ней разводиться.

– Понятно... Брачный контракт был составлен?

– Нет. В этом не было необходимости.

– Тогда проще. От вас требуется список совместно нажитого имущества, её и вашего...

– Ты не понял, – перебил Игорь, – мне не нужен этот фарс. Чётко и быстро её нужно вернуть в рамки!

– Именно это я и планирую сделать. На женщин проще повлиять двумя способами – это дети и деньги. Начнём с материального вопроса.

– Бессмысленно, – развёл Игорь руками, усмехаясь.

– Что вы имеете в виду?

– В том смысле, что моя жена женщина вполне обеспеченная и в совместно нажитом имуществе и деньгах не нуждается.

– Есть варианты, при которых мы можем претендовать на её имущество и...

– Дементьева знаешь? – грубо прервал Игорь и глянул на паренька исподлобья. – Ты ведь москвич, если я всё правильно понял? – хмыкнул он, потирая подбородок.

– Даниила Алексеевича? – приподнял брови специалист, а Игорь удовлетворённо кивнул. – То есть, Оксана Дементьева...

– Оксана его бывшая жена и сейчас находится на его полном обеспечении. Ты всё ещё считаешь, что есть варианты ущемить её в средствах? – Игорь выжидающе уставился на адвоката, получая извращённое удовольствие от произведённого эффекта.

– Тогда остаются дети, – быстро сориентировался парень и взглянул более уверенно.

Игорь вяло усмехнулся.

– А что с детьми?

– С детьми всё просто: добиваемся проживания и опекуна-

ства отца, ограничиваем мать в общении. Обычно это охлаждает пыл и помогает выиграть время, по истечении которого жёны согласны на все условия. В нашем случае, на отказ от развода.

– Я не очень понял, что ты сейчас имеешь в виду, но мне, в принципе, процесс не так важен. Должен быть конкретный результат, и я его тебе озвучил.

– Тогда мне нужно поговорить с вашими помощниками по хозяйству, с прислугой, с близкими знакомыми, входящими в дом.

– Все координаты возьмёшь у секретаря, – устало потянул Игорь и закрыл глаза, пытаясь расслабиться, хотя за последний месяц сделать этого так и не удалось.

На этом адвокат начал проводить активную деятельность, а Игорь оставался в стороне, надеясь на тот самый профессионализм, о котором так лестно отзывался кто-то из друзей.

Сейчас же он сидел напротив Оксаны в суде и удивлялся переменам в ней. Уверенная, собранная, в строгом деловом костюме, с идеально уложенными волосами, она была неотразима. И если есть какие-то границы в степени восхищения своей женой, то она их разрушила.

– Всем встать, суд идёт, – отрапортовала секретарь и в зал заседаний вошла невысокая женщина с явными признаками мужененавистничества на лице. Судейская мантия придавала строгости, а неброская внешность позволяла недооцени-

вать соперника.

– Рассматривается дело о разводе гражданки Дементьевой О. В., с гражданином Колесниковым И. Д. Прошу истца изложить свою позицию.

Я невольно засмотрелась на то, как сверкнул взгляд Игоря и как сжались его челюсти. Сегодня он явно не уравновешен и во что это выльется, сказать сложно. Адвокат одобряюще кивнул, я сглотнула липкий ком, немного прокашлялась и нерешительно начала.

– Я не хочу больше жить с этим человеком, поэтому и прошу нас развести.

Краткость сестра таланта, и я осознавала что «не хочу», сыграет не в мою пользу, но ничего более достойного сказать не могла. Скептический взгляд судьи заставил меня расправить плечи и смотреть на неё увереннее, на что та, в итоге, едва слышно фыркнула.

– Вы можете назвать причины нежелания этого брака?

– Я не хочу с ним жить, какие ещё могут быть причины? Мы разные люди, вместе нам тяжело. Надеюсь, по-отдельности будет легче.

Снова лёгкое недоумение с её стороны и явное неодобрение. Судья разложила перед собой бумаги, пожевала губами, видимо, всматриваясь в свои пометки по делу, изредка бросала на меня недобрый взгляд.

– Гражданка Дементьева, в деле указано, что вашей дочери уже шесть полных лет, в то время как браку с граждани-

ном Колесниковым нет и трёх лет. Так же есть пометки, что свидетельство о рождении было переписано по вашему же иску.

– Так получилось, что мы с Игорем не смогли жить вместе сразу, и дочь родилась в другом браке, соответственно, была записана на моего бывшего супруга.

– А отцом является ответчик?

– Всё верно.

– В чём причина первого разрыва в отношениях, вы можете пояснить?

– В том же.

– Что значит в том же? Ты скажи, как было! – вклинился Игорь, который, видимо, не смог сдержаться и, не обращая внимания на шиканья со стороны своего адвоката, успокаиваться не собирался. – Скажи, что считала меня малолетним сопляком, который не достоин жить с такой опытной женщиной как ты. Скажи, что ты уехала, не сказав мне о ребёнке!

– Ответчик! – стукнула судья молотком.

– Я не собираюсь молча выслушивать этот бред! – подскочил он, широко разводя руки в стороны.

– Ответчик, вашу версию мы выслушаем позже.

Игорь поджал губы, но после энного по счёту тычка в бок от адвоката, успокоился, резко поправил свободно повязанный галстук и пиджак, сел. Я уверена, сжал под столом кулаки.

– Истец, всё было именно так?

– Примерно.

– Истец, предыдущий брак расторгнут в одностороннем порядке после того как ваш муж был заключён под стражу. Вскоре после этого заключён настоящий брак. Всё верно?

– Да.

– Каковы причины?

– Если о разводе, то те же, что и сейчас, а если о свадьбе, то дочери нужен был отец.

– А сейчас не нужен? – немного насмешливо посмотрела судья, причмокнула губами и отвернулась.

– У моей дочери есть отец, вне зависимости от наших с ним отношений.

– Допустим. Так что, всё-таки, послужило толчком к расторжению настоящего брака?

На мгновение я опустила взгляд, но тут же собралась.

– Я поняла, что больше не люблю.

– Что?! Оксана, прекрати этот фарс! – Игорь подскочил с места, перегибаясь через стол, скрепя зубами от злости.

– Ответчик!

– Я люблю свою жену, а она любит меня! И всё то, что она сейчас говорит – неправда.

– Ответчик! Вы будете оштрафованы за неуважению к суду. У вас уже есть предупреждение, – снова стукнула своим молоточком судья и тяжело выдохнула.

Игорь поморщился.

– Извините.

– Продолжайте, истец.

– Я всё сказала. Мне добавить нечего.

– Мне есть, что добавить! – снова подскочил Игорь. – Это он тебя надоумил нести этот бред, он? Адвоката подсуетил, научил, что говорить? Зачем ему это, Оксана?

– Ответчик, вы оштрафованы!

– Да мне по х**!

На это у судьи даже не нашлось, что ответить, и она предпочла промолчать.

– Ваша честь, – встал адвокат Игоря, – мы бы хотели сразу оговорить условия при нежелании истца идти на компромисс.

Он подошёл к столу судьи и положил на него какие-то бумаги, после вернулся на своё место и уже оттуда продолжил.

– По показанию прислуги, работающей в доме супругов, по показанию соседей, истец все три года замужества вела аморальный образ жизни. В предоставленных мною документах имеются множественные показания очевидцев, утверждающих, что истец не смотрела за ребёнком, изменяла мужу, злоупотребляла алкоголем.

Мне от этой пламенной речи, которая была подкреплена эмоциями и активной жестикуляцией, становилось смешно, а Игорь, казалось, и вовсе не слушал, что говорил его адвокат, смотрел на меня, глазами умоляя остановиться.

– Многочисленные смены половых партнёров, несколько административных правонарушений, и, в целом, образ, по-

рочащий её как жену и мать. На данный момент гражданка Дементьева сожительствует со своим бывшим супругом. Истица лично давала интервью известным представителям прессы, абсолютно не смущаясь своего поведения. Поэтому, в случае расторжения брака, мой клиент настаивает на проживании дочери, Колесниковой Алисы Игоревны, по месту его прописки, назначения его единственным опекуном, а так же мы будем поднимать вопрос о лишении гражданки Дементьевой родительских прав.

Адвокат сверкнул дорогими часами на левом запястье, поправил очки в золотой оправе. Раз уж он так уверенно говорил об административных правонарушениях с моей стороны, то больше и добавить нечего. А пока Игорь, как блаженный, улыбался, в зале настала гробовая тишина и только спустя несколько секунд его улыбка сползла с лица и, медленно повернувшись к своему защитнику, он недоумённо уставился на последнего, несколько раз открыл и закрыл рот, точно рыба, а потом взорвался, взревев как медведь.

***

– Ответчик, вам есть, что добавить?

Судья теперь смотрела немного потерянно, взглядом, то и дело, обращаясь ко мне.

– Мне нечего сказать. Я люблю свою жену и не хочу разводиться. У нас возникло лёгкое недопонимание, – он подавился воздухом и на секунду перевёл дыхание, – недопонимание, которое можно исправить.

И такой при этом уверенный взгляд получился, что, не то, что судья, я сама готова была поверить, что это именно недопонимание.

— То есть, вы настроены против расторжения брака, я вас правильно поняла?

— Против, — выплюнул Игорь, глядя мне в глаза, щурясь от возмущения.

***

— Оксана... — неверяще начал Игорь, постепенно заливаясь яростью и негодованием, — что ты творишь?! Что ты, мать твою, вытворяешь? Это ты меня так наказываешь, меня, да?! — выкрикнул он и бросился ко мне, на ходу переворачивая стол, за которым я сидела вместе со своим защитником. Схватил за предплечья, подтянул вверх, стягивая со стула и несколько раз сильно тряханул, заставляя смотреть в глаза. — Если ты сейчас же не одумаешься, я уничтожу тебя, ты это хоть понимаешь? Ты не будешь с ним! Никогда! Я тебе это обещаю!

И с силой оттолкнул меня от себя обратно на стул, а сам пошёл в сторону входной двери.

— Ответчик, слушание ещё не закончено! Ответчик! — пыталась остановить его судья, но Игорь уже никого и ничего не слышал.

— Да?! — резко обернулся он. — А мне по *ер!

Он толкнул дубовую дверь ногой, и та со скрипом распахнулась, создавая грохот на весь коридор. Я так и сидела,

содрогаясь от охватившего меня ужаса. В таком состоянии Игоря ещё не видела. Несколько раз моргнула, глядя на судью, и, не слушая её оклики, вышла следом. Я прислонилась к холодной стене спиной, попыталась отдышаться.

– Слушание перенесено на три месяца. По сути, это те три месяца, которые вам дали для примирения, – тихо уточнил мой адвокат и ещё тише добавил: – Если это, конечно же, возможно...»

ГЛАВА 1

Впервые моя жизнь серьёзно изменилась после смерти деда. Человеком он был сложным, с железным характером, но меня любил и даже баловал, а вот моего отца (своего зятя), держал в ежовых рукавицах. Сейчас я понимаю, что он был абсолютно прав, а раньше никак не могла смириться, что папу не ценят.

Так вот после его смерти всё в нашей семье пошло наперекосяк. Отец стал пропадать на работе, мама казалась сама не своя. Она забросила все дела по дому, наняла прислугу и каждый день ходила в церковь. Меня от ежедневного ада спасал институт и большая нагрузка. Ребёнком я была активным, даже слишком: множество секций и дополнительные занятия по предметам, поэтому дома чаще всего появлялась после восьми часов. Я ужинала и отправлялась в свою комнату, которая за последние две недели превратилась в мой маленький уютный мир. Но в тот день, когда детство закончилось, был выходной. Я точно помню тёплое майское утро, солнечный свет, который сообщал о том, что пора просыпаться, и крики родителей.

За свои шестнадцать лет я не помнила, чтобы они вот так ругались, кричали, созывая на себя весь дом, но сегодня было именно так. Я подскочила с постели как солдат по стойке смирно и выбежала в коридор прямо в ночном костюме.

Крики доносились с первого этажа, суть их всё ещё понять было сложно, но, по мере приближения, обвинения со стороны отца были всё чётче и яснее. И когда я подошла к лестнице, то могла уже не только слышать, но и видеть происходящее. Шок, ужас, страх: я вцепилась в кованые перила и, не в силах пошевелиться или издать какой-то звук, смотрела на родителей. Мама больше не кричала, она сидела на диване, закрывая лицо руками, между пальцев стекали и капали на пол струйки яркой крови. Отец её обвинял, наворачивая круги по гостиной комнате.

– Ты, дрянь, всю жизнь мозолила мои глаза, пользуясь авторитетом своего папочки! – крича он, брызжа слюной. – Ты вытирала о меня ноги, пользовалась, крутила и вертела, как тебе было удобно! Всю жизнь прикидывалась умственно отсталой, закармливала своими полезными кашками и супчиками! Твой отец держал меня на заднем плане, как сторожевого пса, как запасной вариант, который всегда можно выбросить, как только он станет неуютен и совершит ошибку! Но теперь всё, всё-ё... – со странным, колючим удовлетворением потянул он и со всего размаха ударил маму по голове рукой. Но она не издала ни единого звука, опустилась на колени, всё так же пряча лицо.

Отец склонился над ней, схватил за волосы и потянул наверх, его лицо было перекошено от злобы, смешанной с удовольствием от происходящего, и мне казалось, что звук от скрипа его зубов звучит на весь дом. Я была словно в оце-

пенении, в ступоре, смотрела на всё как с экрана кинотеатра. Пальцы до боли сжимали перила, а из глаз текли слёзы, даже слово сказать, прошептать я не могла... Но как только мама, пытаясь спастись от очередного удара, отняла ладони от лица, я ожила, вернулась в реальность, но смогла только вскрикнуть. Громко, пронзительно. И тут же прикрыла рот дрожащими пальцами. Тогда отец, не отпуская из кулака маминых волос, обернулся в мою сторону, и я увидела чудовище. И этот взгляд... взгляд голубых, как небо, глаз, был полон ненависти, отвращения, и удовольствия. Нет, это было удовлетворение от жизни. В тот момент я впервые узнала, что меня ненавидят лютой ненавистью.

– Смотри! – обратился он ко мне. – Вот, где вы у меня все... – прошипел он.

Резко дёрнув рукой, отец поднял маму ещё выше, но разница в росте и немереная сила сделали своё дело: она снова оказалась на коленях на полу, а в кулаке остался клочок чёрных, как смоль, волос. Я бросилась к маме, и ступеньки казались бесконечными, как во сне, когда никак не можешь добраться до желанной цели. Но почувствовала, что это не сон, уже очень скоро, когда тяжёлая рука отца вlepила пощёчину мне. Лёжа на полу, я получила ещё несколько ударов ногой в живот, и острая боль сковала, заставляя поджать ноги и тихо скулить. Удары неожиданно прекратились. Открыв глаза, я увидела до блеска начищенные ботинки. Отец склонился надо мной, поднял за волосы, как минуту назад удерживал

мать, заставляя смотреть в глаза, и как проклятие выплюнул:

– Вы обе сдохните, отправитесь следом за этим старым маразматиком, и я станцую на ваших могилах.

После этого отшвырнул мою голову в сторону, больно ударя ею об пол и вышел.

В то утро мама потеряла себя. Она тихо лежала в своей комнате, глядя в потолок, а я наивно верила в то, что для нас этот кошмар закончился. Но он только начинался. Как стало понятно из документов, которые после я собрала в гостиной, родители с того дня были в разводе, на всех бумагах стояла ровная мамина подпись. Что произошло, я так и не смогла объяснить ни себе, ни другим. А через день проснулась уже в абсолютно пустом доме, где теперь не было ни нанятой прислуги, ни охраны, ни водителя, к слову, в гараже не было и автомобилей. Через три дня пришли люди и заявили, что мы здесь больше не живём, по документам дом продан, и новые хозяева желают заселиться немедленно.

Образование я получала экономическое, но помимо преподавателей института, дед и сам заставлял меня штудировать различные учебники и кодексы, поэтому я неплохо разбиралась в юриспруденции и, в соответствии со статьями, могла за себя постоять, только это не помогло. По документам, которые предъявили эти люди, дом им продала именно мама, на её же счёт были переведены деньги за него. Признать сделку незаконной мы не имели права, так как договор был заверен нотариально, в присутствии свидетелей. Всё,

что я успела собрать до приезда группы строителей во главе с хозяином дома, уместилось в два чемодана, один для меня, а второй для матери. Как оказалось, в гардеробе отсутствовали меха, в сейфе не было ни денег, ни драгоценностей. Моих сбережений хватило лишь на то, чтобы снять комнату в гостинице на окраине, где мы и поселились.

На следующее утро в шок повергло известие о том, что теперь мама не является владелицей дедушкиной кампании, коей числилась последние десять лет. Всё принадлежало отцу и, как потом пояснил наш управляющий, акции уже выставлены на продажу и в ближайшее время будет объявлен новый владелец. Счёт в банке на моё и на мамино имя оказался обнулён и к вечеру, без гроша в кармане, я вернулась во временное жильё. Новость о том, что маму забрали в психиатрическую больницу, добила окончательно, и руки опустились, несмотря на мой горячий нрав и привычку не сдаваться.

В то, что её состояние далеко от нормы, я видела и сама, а вот служащие гостиницы, ссылаясь на её полную неадекватность и опасность, вызвали спецбригаду.

В течение следующей недели я поняла, как быстро можно потерять друзей, ну, или кем они мне приходились?.. Я поселилась в общежитие, узнала, где и в каком состоянии находится мать, грустно улыбнулась смехотворному размеру стипендии, из которой будут вычитать ещё и за проживание в общежитии.

Отца с того знаменательного дня больше не видела, а в душе поселилось чёткое осознание того, что замуж я не выйду никогда: не хочу быть вот так же обманута и предана. Как мне «по большому секрету» доложили знающие люди, у отца уже давно была другая семья. Любовница, дочь от неё, свой дом. Иногда в газетах и журналах мелькали их совместные фото, а нас он вычеркнул не только из своей жизни, но и из жизни вообще. Я позже вспомнила его слова о том, что скоро мы с мамой сдохнем и поняла: он знал, что говорит. Мама, лёжа в больнице, уже перестала напоминать ту красивую, эффектную брюнетку, которая разбивала сердца мужчин, а превратилась в ничего не соображающее, зависимое существо. Врач разводил руками, объясняя это состояние тяжёлой депрессией, из которой мама выйдет очень не скоро и при разумных вложениях в лечение.

– Вы понимаете меня, деточка, у нас здесь не частная лавочка, и, слава Богу, скажу я вам. Иначе ваша мать не получала бы и такого лечения. Нужны специальные препараты, на которые бюджет не рассчитан и мы будем безгранично благодарны, если вы примите в лечении непосредственное участие.

Так и сказал, сверкая алчным взглядом, потирая руки. Мама меня не узнавала и с каждым моим посещением становилась всё больше похожа на постоянных обитателей этого злачного места. Она бубнила себе под нос что-то невнятное, блаженно улыбалась и иногда кивала головой. Вместо ши-

карных волос из-под драной косынки виднелась серебряная седина, сухие руки с чётко выделяющимися костями, синие локтевые сгибы от нескончаемых уколов и впавшие глаза. И это за две недели пребывания.

Решение выйти на работу было принято незамедлительно, только вот идти, как выяснилось чуть позже, было некуда. Кто-то даже обещал похлопотать за место дворника на территории института, но я уже знала, что делать. Правда, вопреки ожиданиям, двери бывших дедовских друзей оказались для меня закрытыми.

– Вы ничего не умеете, нигде не работали, и кем, собственно, хотели устроиться? – улыбались мне они, затем не забывали выразить соболезнования и выпроваживали, указывая охране больше не пропускать.

Предложение работать фотомodelью поступило неожиданно. Буквально на улице я столкнулась со странной женщиной, которая уставилась на меня, и несколько раз пробормотала одно и то же, а именно: «Не может быть... нет, не может быть!». Евгения Майли – красивая женщина с редкой иностранной фамилией, экстравагантной внешностью и профессиональным чутьём на успех. За саму работу она предложила, можно сказать, смехотворную сумму, теперь я точно знала, сколько стоит литр молока, буханка чёрного хлеба. На всю остальную роскошь средств не было, поэтому я даже не приценивалась. Но отказываться в планы не входило. Я согласилась в один момент, правда, не разделяла её восхище-

ний своей внешностью. Да, конечно, блестящие чёрные волосы, светлая, ровного тона кожа, бездонные голубые глаза, обрамлённые густыми ресницами, правильные черты лица. Плюс к лицу прилагалась не менее привлекательная фигура, длинные стройные ноги, отсутствие склонности к полноте и целлюлиту, высокая полная грудь. Красиво, но, так же, как и у всех. Где уникальность, где харизма?.. Но всего за год, я стала одной из самых популярных моделей столицы, и моё лицо и тело мелькало во многих рекламных акциях. Работы со мной в главной роли не покидали галереи, а имя было широко известно в узких кругах. Маму удалось перевести в достойную клинику, и она медленно, но верно шла на поправку. О выздоровлении речи не шло, но динамика была налицо.

Жизнь налаживалась, но от тех условий, к которым я привыкла, по-прежнему отделял целый океан проблем и препятствий. С популярностью в карьере росла и популярность среди мужчин. Бизнесмены, управленцы, да и крупные деятели криминального мира не могли не заметить юной красавицы. Только вот стать шлюхой в мои планы не входило, а ничего большего никто из них предложить не мог и не собирался. Модели это такая каста, которая относится к сфере развлечения, выбиваются на поверхность одни из многих, а большинство так и остаются сменными подстилками влиятельных людей мира сего.

Да, мой образ страстной агрессивной брюнетки только

подзадоривал, подстёгивал их к действию. Сальные подбородки, пивные животы, масляные глазки – всё это доходило до абсурда. С каждым днём становилось тяжелее, мои отказы стали восприниматься как оскорбления, нелицеприятные высказывания в мою сторону практически не прекращались, а закончилось тем, что никаких крупных контрактов я уже не заключала. Эти люди напоминали моего отца: такие же, с жадной властью, и уже неважно над чем и над кем, главное не слышать слова «нет». И так было ровно до тех пор, пока подруга не занялась моим образом.

– Никто не любит дьяволиц, Оксаночка, – пропела мне на ухо она, усаживая в кресло стилиста, – все хотят ангелочков. И, поверь моему опыту, мы из тебя его сделаем.

Шоу называется «закрой глаза, а, открыв их, найди себя в отражении». Из зеркала на меня смотрела совершенно другая, незнакомая девушка. Платиновый блонд на волосах, немного осветлённые брови, небесно-голубые глаза в поллица, сделали из меня нечто наивное, смазливое и до жути сладенькое. Ненавистный образ, не иначе. Следом за внешностью сменился и мой гардероб. Теперь в нём преобладали ткани лёгкие, воздушные, такие же, как и сам образ. Наивный детский взгляд у окружающих вызывал желание прижать к себе и не отпускать, пожалуй, приголубить. Воевать теперь хотели не многие. За спиной я слышала грозное шипение местных гремучих змей, в простонародье именуемых светскими львицами, а впереди ловила восхищённые взгляды.

ды мужчин. И образ этот поселился внутри меня, пророс вглубь, делая мягче характер, жесты, улыбку.

Я стала больше молчать, стараясь на любой выпад отвечать скромной, возможно, чуть виноватой улыбкой и, о чудо! Мужикам это действительно нравилось! Если раньше вокруг вились дерзкие и стремительные мужчины, то теперь мой круг общения сменился на более интеллигентных, понимающих, тех, которые ходу напролом предпочитали стратегию. Так называемая элита. К слову сказать, среди этой элиты, я себя тоже чувствовала не особо уютно, вспоминалась прошлая жизнь, в которой было много друзей и доброжелателей, но все они отвернулись, как только мы с мамой оказались в затруднительном положении. В такие моменты вспоминалась фраза Фаины Раневской: «Лучше быть хорошим человеком, ругающимся матом, чем тихой порядочной тварью».

Цель смены имиджа была до банальности проста: найти себе мужа или постоянного любовника. Подруга Алла открыла мне простую истину: если не хочешь оказаться с разбитым сердцем, разбивай сердца сама. Выходи замуж по расчёту и пользуйся всеми полученными благами без зазрения совести. Но ведь у меня всё не как у людей, оттого и угораздило влюбиться по уши в самого непроступного мужчину местной тусовки.

Как только появился он, остальные перестали существовать. Величественный и красивый, как древний бог, спустив-

шийся с горы Олимп на грешную землю. Нет, он не был облачён в белые одеяния, и на голове не было венца, вот только аура, окружающая его, говорила о том, что идёт хозяин жизни. Густые чёрные волосы в красиво уложенной причёске с прямым пробором, мощь в каждом движении, в каждом жесте и в его теле. Почти два метра роста заставляли запускать голову, чтобы была возможность встретиться с ним взглядом. Походка уверенная, неспешная, он изучал и осматривал всё и всех, сканировал.

Мужчины склоняли перед ним голову, дамы сияли ослепительными улыбками, я же смогла лишь шире раскрыть глаза, потеряв дар речи, а он мазнул по мне взглядом, приковывая им к полу. Тяжёлый взгляд, опасный, и глаза... если мои голубые как небо, то его были льдом, взгляд острый, как бритва, прищур, заставляющий отступить на шаг, и власть, которая сочилась из всего его образа. Казалось, этот человек обладает безграничной властью, и при взгляде на него понимаешь, что он этого достоин.

– Губа не дура, – тут же шепнула мне на ухо Алла. – Даниил Дементьев, пользователь, – она пожала плечами, потеряв к мужчине всякий интерес.

– Что значит пользователь?

– Это значит, что берёт от жизни всё, не задумываясь о последствиях. В серьёзных отношениях замечен не был, предпочитает доступных женщин своего круга.

– А какой у него круг?

Боже, моей наивности можно было только позавидовать, кажется, блондинка – это диагноз. Алла только усмехнулась такому вопросу, правда, спустя секунду сжалилась и вскинула взгляд к потолку. Нет, ну, точно, с неба спустился!

С того вечера мои мысли о мужчине приобрели чёткий образ. Я не собиралась записываться в толпы его поклонниц, скорее, я им восхищалась, любовалась, как ещё сказать... он был как нечто недостижимое, как звезда с неба. После той первой встречи я видела его не единожды и всегда в компании разных женщин, девушек. Он со всеми был одинаково холоден, вёл себя несколько отстранённо. Дошло до того, что я сочла его напыщенным и высокомерным, он и сам превознёс себя к небесам и теперь плевал на макушки без зазрения совести.

Несколько раз мы оказывались за одним столом, в общей компании людей и я могла наблюдать за ним с более близкого расстояния и выводы казались не утешительными. Грубый, резкий, самодовольный, он не терпел противоречий, мог осадить любого одним лишь взглядом, хищной ухмылкой. Женщины в его присутствии старались молчать, мужчины переставали распушать павлиньи хвосты, внимательно прислушиваясь к брошенным советам. Он был лидером, безусловным. Меня же стал всё больше раздражать. А потом я вдруг осознала, что раздражения больше нет, а есть непонятный мне страх.

ГЛАВА 2

Дементьев по-прежнему не обращался ко мне, не привлекал моё внимание, и, вроде как не замечал вовсе. Только вот этот взгляд, которым он сковывал, словно цепями, стал всё чаще задерживаться на моём лице. Демонстрируя интерес, заставляя паниковать. А я поддавалась, отводила глаза, не желая встретиться с ним взглядом, да даже дышать, порой, забывала! И это внимание заставляло меня чувствовать свою ничтожность, в бессилии сжимать кулаки. И как только я поймала на себе его заинтересованный взгляд в очередной раз, всё внутри сжалось. Моргнув несколько раз, но так и не избавившись от настойчивого внимания, я покраснела. Никогда прежде он не заставлял меня отворачиваться, а сегодня буквально призывал взглянуть на него в ответ, либо просто сбежать. Что скрывать, я выбрала именно второй вариант. Конечно, не развернулась и не бросилась наутёк, это было бы совсем уж нелепо, а вежливо улыбнулась и, условно говоря, откланялась.

Теперь в его присутствии мне не хватало воздуха. Под этим его взглядом я была словно в оковах, недвижима и беззащитна, а ещё я чувствовала себя голой. Вот, не понимала, откуда такое нелепое чувство и ведь не было похоти в глазах, он не выглядел даже заинтересованным, просто заметил меня. Не оценивал, но, в то же время, взглядом своим говорил

о многом, и, в первую очередь о том, что я ему почему-то не нравлюсь. Я успела уловить, как уголок его губ едва заметно приподнялся, когда я сообщила о своём решении выйти подышать. Мужчина, с которым попала на этот вечер, только беззаботно кивнул, а вот сам Дементьев взглядом проводил меня до самого балкона. Я чувствовала это. Была уверена.

Помню, это было лето, лёгкий тёплый воздух. Простояв на балконе больше пяти минут, возвращаться уже не хотелось, я окунулась в совершенно другой, настоящий мир природы, где живут по иным законам, не зависящим от денег. Только вот пора было возвращаться, а так не хотелось... и только когда за спиной послышался щелчок зажигалки. Резкая дрожь пронзила тело, сковывая его в движениях. Я не могла заставить себя обернуться, спина до боли напряглась, знала: это он. Потянуло ароматным дымом, который окутал, отрезая реальность, и это был его запах.

Много раз я отмечала про себя этот странный, терпкий запах ароматного табака. Особенный, смешанный с его парфюмом, он становился практически эксклюзивным и на смену холоду, по телу пробежался озноб желания. Меня возбуждал его запах, а вот он сам пугал и заставлял нервничать. Дементьев молчал, курил, и, я была готова поклясться, рассматривал меня.

– Не нравлюсь? – раздался его голос, и я вздрогнула. Не испугалась голоса, нет, он был приятным, пусть и немного резким, но вот того, что он говорит... со мной... И не дума-

ла, что такие люди снисходят до простых смертных, да и ответить, собственно, было нечего.

Но моего ответа он и не ждал, сам подошёл, облокотившись на широкие балконные перила так, что я оказалась в кольце его рук. Горячее дыхание коснулось шеи, но он не прикоснулся, не поцеловал, сдержался. Между пальцев правой руки, привлекая внимание, тлела сигарета, и я, как замороженная смотрела на неё.

– Знаешь, сколько раз мы встретились с тобой за последний месяц? – спросил Дементьев полушёпотом, пытаясь заглянуть в моё лицо.

Боковым зрением я уже заметила на себе его нетерпеливый взгляд, полуоткрытые губы, и лёгкую улыбку на них, но повернуться, посмотреть в его глаза и ответить на вопрос не решилась, лишь отрицательно качнула головой. Его улыбка стала шире.

– Шесть, – не без удовольствия ответил он сам на последний вопрос, немного приблизившись ко мне. Теперь уже не смотрел, а легко прижался щекой к моей щеке. Устраиваясь, несколько раз совершил поглаживающие движения.

Я по-прежнему молчала, но не потому, что боялась. Я наслаждалась его присутствием. Непривычное, ранее неизвестное мне томление наметилось где-то глубоко внутри, а вот желание, пусть и не первое в моей жизни, знакомо пульсировало внизу живота. Я поджала ягодицы, пытаясь контролировать это состояние, но лишь дала ему место для маневра,

позволяя прижаться ещё ближе.

– А знаешь, сколько раз я посещал подобные мероприятия за последний месяц? – крепче прижимая меня к себе, снова начал пытку он. – Шесть, – прошептал он и плотно прижался бёдрами к моей попе. Теперь для меня его желание было столь же явно, как и моё для него.

Ситуация начала казаться забавной. Сколько раз я вот так вот просто отшивала нерадивых ухажёров, сколько раз вот так вот мужчины прижимались ко мне. Момент неожиданности прошёл, и я готова была вступить в схватку с этим титаном, защищая свою честь. Сама себе улыбнулась, вздёрнула подбородок.

– Уж не хотите ли вы сказать, что преследуете меня?

Я повернула голову, отстраняясь от его тёплой щеки и наши взгляды пересеклись. Мой: лёгкий, игривый, и его: тяжёлый, возбуждённый. И я смутилась, не выдержала давления и вновь посмотрела вдаль. Дементьев сдавленно рассмеялся, надёжно прижимаясь ко мне своей грудью.

– Хотел спросить у тебя то же самое.

Я гордо вскинула подбородок:

– Вы себе льстите.

– А ты себе?

– Я вам нравлюсь?

Он не ответил, немного отстранился, давая мне свободу, затянулся сигаретой, выпустил в сторону клуб белого дыма, резко приткнулся губами к моей шее.

– Хочу тебя.

И его голос, более низкий, чем обычно, слишком серьёзный для шутки и слишком напряжённый для ситуации, заставил меня вспомнить, кто он и кто я. Возразить вслух не могла, сейчас уже чётко осознавала, в какой ситуации оказалась. Дементьев был слишком влиятельный и целеустремлённый человек. Я бы не взялась утверждать, но казалось, что с женщинами он, так же, отступать не привык. Чего только стоит его лёгкое, почти невесомое прикосновение губами к моей шее, но при этом он не позволяет мне увернуться или отказаться от этого поцелуя. Его руки обхватили меня ниже талии, в том месте, где выпирают тазовые косточки, слегка смяли ткань платья, опустили на бёдра.

– Поехали ко мне.

Снова моё молчание в ответ и пальцы, которые практически до боли вжимаются в перила.

– Не хочешь? – его ладони накрыли мои, заставляя распрямить судорожно поджатые пальцы, но они, словно деревянные, не поддавались. – Оксана, это не поможет, – лениво усмехнулся он и с внушением проговорил: – я уже принял решение.

Еле слышный, спокойный и уравновешенный голос отрезвил, паника отступила. И всё тело расслабилось, позволяя вести меня к неизбежному. Взрослый, уверенный в себе, он держал меня за руку. В зал мы возвращаться не стали, спустились к воротам, где уже ожидал заведённый автомобиль.

Водитель услужливо открыл дверь мне и Дементьеву, машина тронулась с места.

Чувства у меня были смешанные: с одной стороны, желание прикоснуться к неизведанному, такому манящему, с другой – страх перед реальностью, которая мало чем похожа на мою мечту. Дементьев же был «само спокойствие». Он сидел, откинувшись на автомобильное кресло, смотрел прямо перед собой, словно меня и нет рядом. А впрочем, он хозяин жизни, я ему не помеха и не препятствие. Мы приехали на соседнюю улицу того же посёлка, вышли у крыльца огромного особняка, за Дементьевым я проследовала внутрь. Ни убранства, ни атмосфера сейчас не привлекали и не волновали, я запуталась в своём маленьком мирке, в пучине своих страхов и ощущений. И единственное, что видела перед собой – его.

– Чувствуй себя, как дома, – бросил он на ходу, удаляясь в сторону мини бара. – Выпьешь что-нибудь?

– Нет, спасибо, я не пью.

Хотя выпить наверно надо бы, иначе скоро он услышит, как стучат мои зубы. Невероятный озноб пробивал всё тело, буквально подбрасывая его. Мышцы как сплошной камень, а дыхание стало частым и поверхностным. В одном из множества зеркал гостиной комнаты я увидела свои огромные, просто невероятно округлившиеся глаза и поняла: нужно что-то делать, только не знала что.

– Нервничаешь?

Услышала я позади себя и дёрнулась, распахнув ресницы. Дементьев уселся на диван, закинув ногу на ногу, сделал небольшой глоток янтарной жидкости из бокала, улыбнулся мне и протянул руку, приглашая присесть.

— Иди же, я не кусаюсь, — похлопал по месту рядом с собой.

— А как я могу вас называть? — издала я невнятное блеяние, приближаясь к дивану, а он улыбался, ему нравилась и моя робость, и мой страх, но в улыбке было не удовлетворение, там было озорство, мальчишеская забава, такие странные эмоции, которые никак не вязались с этим человеком.

Стоя напротив него, я так и не решилась сесть, он удерживал мой взгляд, заставляя остановиться у его ног. Ещё один глоток и уже расслабленные, небрежные движения. Дементьев протянул ко мне руку и погладил по внутренней стороне бедра, несильно сжимая, изучая, чувствуя ответное напряжение.

— Можешь называть котиком, — издевательски усмехнулся он, — можешь, зайчиком, но я предпочитаю по имени. Данила... тебя устроит?

— А вас?

— А нас — полностью!

Дементьев отставил бокал на тумбу-торшер, и резко притянул меня за руку, усаживая на себя сверху, теперь моя грудь была на уровне его губ, а его руки, как полноправные хозяева, поглаживали спину, ягодицы, голени. Я же упира-

лась в спинку дивана, чтобы хоть как-то иметь возможность отстраниться.

– Оксана, давай поговорим серьёзно: мне кажется, ты что-то неверно поняла, – вдруг предложил он и я замерла.

– Давайте... – выдавила из себя я, пытаюсь выдержать его напор, и Дементьев сдался первым, выдохнул, хватку ослабил.

– Так не пойдёт. Тебе сколько лет, напомни?

– Восемнадцать.

– А мне?

– Я не знаю... – прошептала, казалось, одними губами, но он уловил, прищурился, пытаюсь понять, в чём я его обманываю, и неспешно провёл языком по своим губам.

– Ну как же?.. Каждая уважающая себя охотница за жёнами должна знать контингент. Это, по крайней мере, не профессионально.

– Я ни за кем не охочусь.

– Да что ты... – неодобрительно поцокал он языком, помогая мне сесть ровно, правда, особой уверенности это не придало, так и хотелось прикрыться руками, отгородиться от всего мира, а ещё лучше закрыть глаза и почувствовать, что всё это нелепый сон.

Только сном это не было, поэтому я и чувствовала, как Дементьев придерживал ладонями поясницу, и улавливал каждую мою эмоцию.

– Я ни за кем не охочусь, – сказала я более уверенно и с

нажимом в каждом слове.

На самом деле, эта идея изначально мне не нравилась и противоречила принципам, только вот когда решается вопрос жить или не жить, своими принципами можно и поступиться, особенно если это жизнь единственного родного человека.

– Молодец, достойный ответ внучки Глеба Давыдовича, – вдруг усмехнулся Дементьев и я ахнула.

– Вы знали деда? – я встрепенулась, но он удержал. Сглотнула ком в горле, правда, волнение только усилилось.

Я смотрела на мужчину во все глаза, пытаясь уловить хоть какую-нибудь эмоцию, только Дементьев был не из тех, кто позволит сделать это. Полная непроницаемость, полный контроль над ситуацией, контроль биения моего сердца, как, впрочем, и я вся, словно на его ладони.

– Пересекались как-то, – обтекаемо отозвался он. – И давай договоримся: я не старый, и не страшный, мне всего двадцать семь и можно на «ты». Согласна?

– Согласна... А как вы узнали, кто я?.. – протараторила я прежде, чем мысленно прогнала этот вопрос, проявив эмоции, которые Дементьева, скорее, забавляли.

– Малышка, начнём с того, что ты не соблюдаешь нашей договорённости.

– Извини, – спешно проговорила я, чуть ли не подпрыгивая на месте от нетерпения.

– А если о том, как я узнал... – он вздохнул и посмотрел на

меня несколько усталым взглядом. Да, да, понимаю, надоела ему моя наивность и простота, но я такая и другой, скорее всего, не стану. — Оксан, неужели я похож на человека, который практикует случайные связи, а?

Мужчина осторожно поправил мой выбившийся локон, но я лишь напряжённо моргнула.

— Я не знаю... — ответила абсолютно искренне, прикусила губу в нетерпении услышать ответ, только Дементьев словно уводил от темы, дразнил.

— А что ты знаешь?

— Моя подруга, уловив первый взгляд в твою сторону, сказала, что я раскатала губу.

Данила подавил первый смешок, и сжал руки вокруг моей талии.

— А ещё она сказала, что ты пользователь.

— А то, что каждый пользователь рано или поздно становится тихим домашним котиком, разве она тебе не рассказывала?

— Ты не похож на тихого и домашнего.

— Ты меня плохо знаешь... — покачал он головой, озорно улыбаясь.

— А ты меня?

Дементьев пожал плечами, улыбнулся одними губами.

— А я знаю о тебе всё.

Я всё ещё сидела на его коленях, но уже не чувствовала первой неловкости, он умело вовлекал в разговор, быстро на-

щупав нужную тему.

– Знаю, кто ты и почему оказалась в подобном положении. Знаю, почему ты перестала появляться на обложках журналов, знаю... – он притянул меня к себе ближе, и прошептал на ухо, – ... что буду у тебя первым. Ведь первым? – моё неровное дыхание выдавало с головой. – А то, что буду, можешь даже не сомневаться.

Никакого контроля, краска бросилась к лицу, а Данила прижал меня к себе крепче.

– И мне нравится твоя реакция, она точно такая, какой должна быть. Я редко ошибаюсь в людях.

Когда моё лицо приняло нормальный цвет, я уже могла беспрепятственно отстраниться, он меня не удерживал.

– В твоём возрасте вполне естественно не иметь сексуальных партнёров, – продолжил он меня смущать, но теперь смотрел в упор.

– А ты, будучи в моём возрасте, имел достаточное количество партнёров?

– Язва! – Дементьев прищёлкнул языком, но точно не злился. – Всё у меня было в твоём возрасте. Пора бы уже знать, что мужчины те ещё кобели, но ведь ты не сучка... а приличная девочка.

О-о, после этих слов я вспомнила обо всём: и о том, что сижу на его коленях, бесстыдно разведя свои ноги в стороны, и о том, что моё, и без того короткое платье, задралось и Дементьев вполне может видеть кружевное бельё. Я покрас-

нела, как варёная свёкла, попыталась убрать от себя его руки и слезть, хотя бы сесть рядом, но куда там...

– Не нужно, мне нравится, – «успокоил» Данила.

– Мне нет, – сдавленно прошептала я. и даже прикрыться попыталась, но куда там...

– Перестань... со мной можно, – игриво взглянул мужчина и я напряжённо сглотнула. – Оксан, а ты знала, что Глеб Давыдович обещал тебя мне в жёны? Нет? – как ни в чём не бывало продолжил он без прелюдий и я зависла.

– Нет... – уставилась я на него, забыв о борьбе за свою свободу от его рук.

– Обещал... – довольный произведённым эффектом, потянул Дементьев. – Только ты ещё совсем мелкая была, поэтому и не познакомил. Мы, кстати, виделись как-то. У вас был очень красивый дом.

– Был... – криво улыбнулась я и попыталась отвернуться, а Дементьев сжал в пальцах мой подбородок, заставляя смотреть в глаза.

– Забудь! – сказал он жёстко, так, что мороз по коже. И почувствовал, что перегнул, поэтому позволил отстраниться.

Данила помог мне слезть, встал сам.

– Идём со мной, – протянул он руку, а я взглянула на неё неуверенно.

– Куда?

Дементьев тихо рассмеялся, а я в очередной раз вспом-

нила, зачем сюда приехала. Только теперь всё казалось каким-то другим, правильным, что ли. И как всё-таки легко меня оказалось подкупить. И его слова про деда... А ведь такое вполне могло быть, дед любил планировать всё наперёд.

– Покажу тебе, где ванная. Обзорную экскурсию устроишь завтра себе сама, – опомнился Данила и кивнул в нужном направлении.

– А-а...

– А всё необходимое я покажу сейчас.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в огромную комнату. Конечно, огромной она мне казалась именно сейчас, раньше я бы просто кивнула. Минимализм, широкая кровать у стены в центре. Две двери, справа и слева.

– Это моя спальня. Выход в туалет-ванную, гардеробная комната, – перечислял он, указывая пальцем нужное направление, и незаметно для меня отстранился, прижался к моей спине. – Думаю, постель ты заметила и сама.

– Мы...

– Ты ведь помнишь, сколько мне лет? – не позволил продолжить он и я кивнула, правда, несколько неуверенно. – Помнишь? – подбадривал он. В голосе слышался смех, а вот руки вовсе не в шутку, изучали моё тело.

– Помню.

– А что я хочу тебя... помнишь?

Я напряглась, а Данила укусил за шею, отвлекая, и рассмеялся в ответ на мою реакцию: смертельно боюсь щекотки.

– Ванная? – прищурился он, пытаясь из-за спины заглянуть в мои глаза.

– Душ, – утвердительно кивнула я. В конце концов, с таким мужчиной не страшно и в первый раз.

Он развернул меня, приподнял за подбородок, провёл большим пальцем по щеке, губам.

– Не торопись, мне нужно сделать несколько важных звонков. Думаю, полчаса у тебя есть. Достаточно?

– Да.

– И расслабься, всё хорошо, – коротко поцеловал он меня в губы.

Я пожала плечами и, растеряв всю свою решительность под его пристальным взглядом, кивнула, поджав губы. Лёгкий поцелуй в щёку, и я осталась одна. Да, секс между двумя телефонными разговорами это как раз то, что я себе представляла! Неприятно было осознавать своё место, только вот мнения моего никто не спросил. Сглотнув ком в горле, я решительно шагнула к нужной двери, оставляя за ней все лишние мысли.

Выйти из душа я долго не решалась, наверно, моё время давно истекло, но Данила не торопил. Я жутко нервничала, не знала, как себя вести. Мысли роем врывались в голову и в один момент покидали её. «А если он уже лежит в постели и ждёт меня? А если он будет грубым? А если он разозлиться за что-нибудь и ударит?» Нет, до этого Дементьев себя контролировал... А если... После очередного «а если», я быст-

ро вытерла тело полотенцем, не думая ни о каком соблазнении, накинула широкий банный халат, затянула потуже пояс и вышла. Спальня оказалась пуста, постель, правда, разобрана, на прикроватной тумбочке стояла открытая бутылка шампанского и наполнен один бокал. Вино я выпила практически залпом, с ногами забралась на постель, и гипнотизировала дверь. Через пять минут от переизбытка волнения выпила ещё один бокал вина. Через десять была абсолютно спокойна и расслаблена. Когда Данила пришёл в комнату, уже лежала с блаженной улыбкой на губах и была безумно рада его видеть.

– Не спишь? – он присел рядом со мной, нежно провёл по стопе, немного забираясь пальцами под длинный халат.

– Ты всё просчитываешь, да? – пьяно уличила я.

В мужских глазах сияли искорки смеха, понимания и... да, я была права: всё идёт по плану.

– Я задержался, прости, – улыбнулся он, коснувшись моей раскрасневшейся щеки.

Теперь его прикосновения меня не беспокоили, они именно волновали, возбуждали. Данила был переодет в мягкие домашние штаны, волосы влажные, как после душа, а взгляд... взгляд был необычайно тёплым и притягательным.

– Верь мне, – шепнул он, приблизившись, а потом отстранился, чтобы посмотреть в глаза. – В любом случае эта задержка пошла тебе на пользу, ведь так?

Его рука пробралась под халат, поползла выше, медленно

поглаживая кожу ног, бедро, пока не остановилась в сантиметре от обнажённого тела. Я нервно сглотнула и прикрыла глаза.

– Соблазняешь? – одна его бровь поползла вверх, уголок губ с той же стороны приподнялся.

– Мне нечего было одеть... – проронила я, но он не верил, ни единому слову.

– Я рад, что всё так получилось.

И накрыл мои губы поцелуем. Вначале нежным, изучающим, вскоре он превратился в более уверенный, напористый, глубокий. Его язык исследовал мой рот, губы впились в мои губы, руки нетерпеливо гладили тело, сжимая с боков, обнажая, раздвигая полы халата в стороны. Он уже устроился между ног, когда я стонала, прося, требуя продолжения. Выгибалась ему навстречу, в поиске разрядки, тёрлась о его тело, хотя он всё ещё был одет. Первые мои прикосновения к нему были нерешительными, робкими, но вскоре им на смену пришли требовательные, жёсткие. Я забиралась руками под его майку, поглаживая спину, спускалась к ягодицам, но смущение брало верх, и руки капитулировали, поднимаясь.

– Я хочу тебя, – прошептала на ухо, когда желание отзывалось покалыванием.

Его дыхание было неподвластно контролю, хриплое, судорожное, порывистое. Языком он изучал мою шею, подбородок, спускался к груди.

– Не спеши, моя хорошая, мне так нравится, когда ты рядом, когда в нетерпении.

Он снял футболку, демонстрируя свою красивую накачанную грудь, к ней хотелось прикоснуться, что я тут же и сделала. Взглянула в его глаза, протягивая руку, получила молчаливое согласие и дотронулась до гладкой, загорелой кожи. Я обвела ареолы сосков, улыбнулась тому, как они напряглись, превращая сердцевинки в твёрдые, упругие горошинки. Провела пальцем по линии живота, с тонкой полоской тёмных волос. Коснулась кожи вдоль резинки его штанов, немного царапая ногтем границу, задевая зону, пока ещё мне не доступную.

Данила стоял на кровати на коленях, проявлял чудеса терпения, пока я удовлетворяла свой интерес. Напряжённые мышцы живота подтягивались после мимолётного прикосновения, орган, выпирающий за штанами, требовал внимания, но я всё не решалась прикоснуться. Подняла взгляд, увидела его расширенные зрачки, и, не теряя этого внимания, лёгким, едва уловимым прикосновением дотронулась до члена через ткань. Поджала живот, когда увидела реакцию: он пульсировал. Я закусила губу и коснулась его ещё раз, снова взглянула в глаза.

– Ну что, позабавилась? – я неуверенно кивнула, испугавшись напряжённого голоса. – Теперь моя очередь.

С этими словами Данила резко поднялся, сбросил штаны, а я сглотнула ком: прежде обнажённого мужчину мне видеть

не приходилось, эта тема оставалась запретной, и я не любопытствовала даже в просторах интернета. Как видно зря, иначе была бы готова к подобному зрелищу и не бледнела от страха. Первой мыслью было бежать, второй – вопрос: и как это во мне уместиться? А он, этот наглый тип, словно прочёл мои мысли, дерзко улыбнулся.

– Если не будешь напрягаться, не порву.

– А можешь?

– Расслабься, – шепнул он, загадочно улыбаясь.

Пальцы на моих ногах поджались, как только Данила устроился между разведённых бёдер. Его улыбка должна была меня успокоить, но получалось слабо, а вот поцелуи во всевозможные части тела расслабили и отвлекли. Грудь, соски, живот – его язык порхал, принося едва ли не мистическое наслаждение. А вот моё возбуждение было самым, что ни на есть, настоящим, и его палец, который с лёгкостью проскользнул внутрь, стал первым тому доказательством. На момент этого пробного захода, Данила сумел меня отвлечь настолько, что я была рада новым ощущениям, и старалась продлить контакт тел, но он ускользал от меня, доводя практически до истерики. Два пальца внутри принесли лёгкий дискомфорт, но азарта я не потеряла, только лишь вдохнула глубже.

– Всё хорошо, просто тебя нужно немного подготовить, – шептал он куда-то в область ключицы, не прекращая целовать чувствительное место. – Ты ведь не против?

И ввёл пальцы глубже, вынуждая меня застонать от желания, от переполняющих эмоций, от неприятных саднящих ощущений внутри. Большой палец массировал клитор, и от этих действий ягодицы пытались жить отдельно от всего тела, то поднимаясь вверх, прижимаясь к его ладони, то опускаясь вниз, сдаваясь под напором и давлением. На мой живот спускались капли его смазки, ноги были на его поясище, ласковый шёпот усыплял, и глаза отказывались открываться. На секунду Данила отстранился, чтобы натянуть презерватив, на вопросительный взгляд ободряюще кивнул, подмигнул, разгладил волосы ладонями и поцеловал, проникая языком глубоко в рот, тем самым заглушая писк от первого резкого прикосновения. Следующим звуком был его грозный рык... привкус крови во рту, мои испуганные глаза.

– Прости, прости... – судорожно зашептала я, пытаюсь хоть как-то оправдаться. Дементьев размеренно выдохнул:

– Нормально...

Я пыталась прикоснуться к нему, осмотреть прикушенную губу, но Данила отмахивался, пытаюсь улыбаться, но я-то знаю, что укусила сильно.

– Ты как? В порядке?

Только после его вопроса я вспомнила о себе и поняла, что Данила до сих пор не движется, переживает. Я слабо кивнула, но тут же впилась ногтями в его плечи. Новое движение и острая боль. Перетерпела, закрыла глаза: всё в порядке. Я пыталась справиться с учатившимся дыханием, кажется,

удачно. Ещё движение и снова боль, и ни черта она не притупляется! Каждое новое проникновение, как лезвие разрезает изнутри. Стиснула зубы, нужно расслабиться... расслабиться, просто потерпеть и будет легче, но нет! Всё не так! Первая слеза, за ней другая. Я не открыла глаз, поэтому не знала, что Данила смотрит в моё лицо, не замечала, как он напряжён, как плотно сомкнуты его губы.

– Нет, Оксана, так не пойдёт.

Данила скатился с меня, подгрёб под бок, утешая, гладил по волосам, целовал в висок, в щёку, в уголки губ, убаюкивал лёгкими покачиваниями из стороны в сторону. Вскоре я успокоилась, и боль стихла, вот только упирающийся в поясницу член напомнил о первой неудачной попытке. Я неловко повернулась в его руках, прижалась покрепче, закрыла глаза и опустила руку ниже, обхватывая истекающий смазкой орган, пробуя неспешные движения вверх, вниз. Посмотреть на него боялась, да что там, я и дышать старалась через раз, чем, правда, выдавала своё волнение.

– Решила исправиться? – усмехнулся он, накрывая мою ладонь своей, заставляя обхватить крепче и делая движения резче.

– Прости, я не неженка, но... – попыталась оправдаться всё так же, не решаясь посмотреть в глаза.

– Всё хорошо, каждому своё. А как ты относишься к другому опыту?

– Какому?

– К оральному. Что скажешь? – я смутилась и попыталась спрятаться от горящего взгляда, но он не позволил, привлекая к себе за подбородок. – Твои ручки это, конечно же, прекрасно, но я уже прошёл такой период, предлагаю и тебе на нём не задерживаться. Давай.

– Я не умею... – заливаясь краской, опустила я взгляд, мысленно проклиная Даньку за то, что он не позволяет мне отвернуться.

– Тебе понравится, обещаю.

И я рискнула. Про «понравится», он, конечно же, загнул. На первый взгляд мне подобный вид секса показался ещё менее лицеприятным, чем предыдущий, но это ведь только первый взгляд. Его стон, тихий, долгий, напряжённый, заставил передумать. Да, да, и ещё раз, да! Мне нравится! Нравится его реакция, нравится владеть его телом и его наслаждением. Я уже не слушала тихие советы, желая понять смысл самой, наблюдала за реакцией, как он подтягивает ягодицы, когда я активна, как вжимается его живот, как дрожь пробегает по мышцам ног, и как он стремится оказаться глубже. Его рука, которая всё это время контролировала мою голову, вскоре превратилась в каменные тиски, не позволяющие отстраниться. Бёдра ходили ходуном, вбивая возбуждённый орган, который становился ещё твёрже, ещё больше в объёме, в мой рот. И удовольствие получала я. Да, именно я, от понимания того, что мужчина... мой мужчина... получает удовольствие рядом со мной, что ему хорошо именно со мной, что

его возбуждаю именно я, и его оргазм ощутить смогу тоже я! Необычное, но такое сладостное чувство, знать, что ты необходима. Пусть даже только в эту секунду. Как мотылёк, подлетающий к огню.

Дементьев не сдерживал стоны, не сдерживал свой порыв, наверно, уже и не контролировал ничего вокруг, оттолкнул меня в момент оргазма, позволяя смотреть и улыбаться. Отдышался не сразу, прижал меня к своей груди крепко-крепко, пальцы ещё немного подрагивали, а сердце билось громко и часто. Грудь высоко поднималась при вдохе, расправлялась, позволяя мне почувствовать себя частичкой чего-то целого, его частичкой.

– Не сдержался. Ты как? Не обижаешься? – спросил он чуть позже. Не то, чтобы очень обеспокоенно, скорее, как должное.

– Нет, мне понравилось.

Скептический взгляд сверху вниз и недоверчивая улыбка.

– Правда, понравилось. Я люблю твой оргазм... можно ведь так говорить?..

– Ребёнок, – Даня потрепал мои волосы, – какой же ты ещё ребёнок! Оргазм она любит... а меня?

Я не сразу поняла, что сказала. Люблю... зарекалась не произносить эти слова, не чувствовать, боялась поверить, а сейчас лежу в постели малознакомого мужчины, который стал моим первым любовником и уже успела признаться ему в любви. Куда катится мир? И куда катится мой разум и моя

гордость вместе взятые? Кажется, рядом с Данилой они напроць отказывают, полностью полагаясь на него.

– Извини... – прошептала я, нервно качнув головой.

– Не ответишь?

– Нет, – буркнула ему в подмышку, пытаюсь спрятаться подальше.

– А если мне это важно?

– Я не хочу с тобой разговаривать, – упиралась я кулаками в его рёбра.

– А если я тебя люблю?

– А ты любишь? – тут же высунулась, чтобы заглянуть в глаза, наткнулась на веселье в них, искрящийся смех, и со стоном разочарования рухнула обратно.

Я два года была для себя и мамой, и папой, и дедушкой в одном лице, ни на кого не надеялась и не ждала помощи. Справлялась со своими проблемами, пытаюсь вынести из них урок для себя на будущее, а рядом с Даней моё чувство одиночества, самостоятельности развеялось в один миг. С ним не хотелось быть сильной, что-то решать, думать за троих. Хотелось быть собой и просто жить, не вникая в правила, не задумываясь над тем, что будет завтра. Опасное, ложное чувство спокойствия – вот что поселилось во мне в ту ночь. Я была именно спокойна. Не прикидывала в уме речь, которую должна буду сказать ему завтра, чтобы уйти достойно, с меньшими потерями для себя самой, не думала над тем, что он мне ответит. И так уснула, с улыбкой удовлетворения на

лице и со вздохом разочарования в душе: я влюбилась.

ГЛАВА 3

Утро я встретила в постели одна. И чему, собственно, удивляюсь? Я практически уверена, что внизу меня ждёт горничная с известием от своего хозяина и благодарностью за чудную ночь. Только вот мыслям этим осуществиться было не дано. В гостиной меня встретил сам Данила. Нет, это был Даниил Алексеевич, и никак иначе. От первого же взгляда захотелось обратиться к нему на «вы» и шёпотом, опустить глаза и, как щенок, поджать хвостик.

Даниил Алексеевич сидел в кресле, перед ним на журнальном столике стоял ноутбук, за ноутбуком, чуть правее, чашечка ароматного кофе, слева, в пепельнице – тлела сигарета. В руках при этом был телефон, а стационарная трубка лежала на подлокотнике. Он мазнул по мне взглядом, который не выражал никаких эмоций, и тут же вернулся к монитору. Что-то громко обсуждал по телефону, раздавал указания, командовал и, судя по грозному голосу, сердился. Но как только свой разговор закончил, его тяжёлый взгляд упал на меня.

– Ну? – рыкнул. – Чего застыла? Практически уверен, что если бы работал сегодня в кабинете, поймать бы смог только аромат твоих духов.

Я молчала, пытаюсь уловить логику в его замысловатом высказывании.

– Я говорю, сбежать собираешься? Напрасно.

Взгляд потеплел, на лице появилась добрая улыбка, и Данила тяжело выдохнул.

– Иди ко мне, присядь, есть разговор.

Данила потянулся, зевнул, отчего сразу стал домашним и уютным. Он расправил плечи, и это действие сопровождалось громким хрустом позвоночных суставчиков.

– Может, помассировать? Не нравится мне этот хруст, – решила пойти я ва-банк. Хуже уже не будет, а прикоснуться к совершенному телу – сплошное удовольствие.

Данила кивнул, приглашая стать сзади, а пока я массиовала, как раз и приступил к разговору.

– Вот это адрес медицинского центра, сегодня на четыре часа ты записана к гинекологу, я хочу, чтобы тебя осмотрели.

На журнальный столик опустилась ламинированная визитка с адресом и телефоном.

– В смысле?

Наверно, я слишком интенсивно принялась разминать плечи, потому как Данька странно притих.

– В смысле, мне не понравилась твоя вчерашняя реакция, я хочу быть уверен, что всё в порядке.

– А зачем?

Вот тут-то он меня и раскусил, глянул так, что все вопросы задавать перехотелось. Брови сдвинуты, глаза потемнели, а губы плотно сомкнуты.

– Потому что ты со вчерашнего вечера моя девушка, –

вкрадчиво начал он, взял меня за руку и заставил обойти кресло вокруг. – Потому что ты мне не безразлична, – усадил он меня на колени, заглянул в глаза. – Потому что ты моя будущая жена и мать моих детей. Как тебе такой вариант?

– Неожиданно...

– Если ты сейчас скажешь, что тебя что-то не устраивает, то лучше промолчи, – предупредил он.

А если я скажу, что... что я не... – прикусила губу,глянула исподлобья, но всё же решила. – Данила, я не понимаю, когда ты шутишь, а когда говоришь серьёзно. Какая жена, какие дети?.. Ты меня знаешь несколько часов, большую часть из которых я проспала и не могла никак повлиять на это решение. Ты чего?

Как раз после этих слов я и узнала, что для Данилы всегда была раскрытой книгой. Он поведал познавательную историю о любви с первого взгляда, со мной в главной роли. Оказалось, что Даня меня увидел задолго до самого знакомства, и про деда не шутил. И было это три года назад, на каком-то юбилее дедовой кампании. Мне было пятнадцать, по его словам, я была нереально красива и он не смог отвести взгляд. А мой дед, будучи человеком прозорливым и очень мудрым, подобный взгляд понял по-своему, усмехнулся, понимающе похлопал по плечу и пообещал повлиять. Только вот повлиять он не успел, автомобильная авария внесла свои коррективы в его планы. А уже через год мы с мамой оказались на улице. Всё это время Даня не выпускал меня из поля

зрения, не помогал, не вмешивался, но и не оставлял одну, зная обо всех действиях и передвижениях.

Знал и о маме, и об отце. На мой логический вопрос о том, почему же не помог, не вступился, был лаконичный и простой ответ: ты личность и я не мог препятствовать твоему развитию. Позже я думала над этим вопросом и понимала, что его помощь в тот момент поняла бы иначе, как подачку, как помощь бедным родственникам, сама, меж тем, оставалась гордой и непреклонной.

Ему не нужна была слабая размазня, ему нужна достойная, женщина, которая справится с ним, выдержит тяжёлый характер. Из виду он меня не терял, но и не вникал в дела, для этого был нанят специальный человек. И когда мы впервые встретились на одном из приёмов, Даня даже меня не узнал. Он не любил продажных женщин, одно дело, когда ты признаёшь, что проститутка, и совсем другое, когда прикрываешься другим обликом, являясь, по сути, именно продажной женщиной, да и блондинки никогда не были слабостью Дементьева. И только спустя несколько встреч ему удалось разглядеть в моём лице знакомые черты.

Переломным моментом стала одна из моих фотографий, что-то из первых работ, сделанная фотографом Евгенией Майли. Эта работа висела в какой-то галереи, и не узнать меня он не мог, как не смог и отказаться от уже развитого, сексуального тела, от своего желания, от своих мыслей, которые не единожды возвращались на несколько лет назад к

юной, неприступной красавице. На этом Дементьев решил, что уже пора и начал активные действия. Ну, как активные, набрал номер своего человека, который за мной следил, и узнал всё. Всё, что можно, и что нельзя. И каково было его удивление, когда на стол легла фотография. Только не той девчонки, которую он запомнил, а моя. Вот такая, какая я сейчас. Да, да, тот самый ангелочек, который, как смеялись друзья Данилы, не сводил с него глаз при каждой встрече.

– Вот насчёт «не сводила глаз», ты явно преувеличиваешь! – возмутилась я, злясь в первую очередь на себя.

– Ни капельки. Честно, я уже успел подумать, что ты на меня нацелилась. Хочешь за меня замуж ведь, признайся.

– Нет.

– Ты подумай...

– Только когда передо мной будет лежать кольцо, – скрестила я руки на груди, протестуя против его уверенности.

А с другой стороны... Да, я хотела его, хотела с ним, и хотела замуж. Но вот так, вдруг, без ухаживания, прелюдии, без всех прелестей молодой пары, да ещё этот небрежный самоуверенный тон, словно его упрашивают. Вот ещё! Не знаю, насколько получалось, но в свой взгляд я старалась вложить огненный заряд, который пробьёт его оборону.

С широкой улыбкой Дементьев вышел, а через минуту вернулся и передо мной действительно лежало кольцо. «И где, спрашивается, музыканты, шампанское, куча приглашённых дармоедов?! » – твердил мой грозный взгляд, а Даня

смотрел в ожидании ответа. А какой ему, собственно говоря, ответ, если он ничего не предложил, а может, это кольцо и не для меня вовсе, а только приманка для признания. Я вообще ничего ему не ответила, отодвинула кольцо дальше и показательно отвернулась.

– Подумай, я ведь люблю тебя...

– Точно меня, ты ничего не путаешь?

– Вчера мы это обсуждали, – как-то строго заметил Дементьев и в его голосе стали слышны нотки недовольства.

– Не помню такого!

– А как же признание о том, что случайных женщин в моей постели не бывает?

– Да, я уже поняла, что не случайная, – хмыкнула я громко. Забылась, не иначе.

Не знаю, что на меня нашло, но уже не играла, всё было реально, и моя внезапно нахлынувшая обида и тот факт, что он обратил внимание только оттого, что я внучка своего деда. Дура!

– А как насчёт того, что я тебя больше не отпущу... никогда.

– Так уж и никогда? – соизволила повернуться я.

Повернулась, сверкнула глазами и тут же растаяла. Он, строгий, деловой, опасный, мой и только мой, смотрел с теплотой и нежностью, и в глазах грусть, желание заботиться, оберегать – всё то, чего я была лишена. Но не любовь. Хоть расстреливайте, но не любовь!

– Ты выйдешь за меня замуж? – уже без улыбки повторил он, сжимая кольцо в широкой ладони.

– Я люблю тебя, – ответила тихо, в сторону.

– Меня, правда? – усмехнулся в ответ он, со злом, с негодованием, припоминая мой же укол.

– А почему не тебя?

– Не знаю... может, моё положение, мой статус. С чего вдруг? Мы знакомы несколько часов.

Нежность испарилась, ласка растаяла, не оставив после себя и воспоминание, и передо мной человек с железной хваткой, со стальными нотками в голосе, с острым леденящим взглядом.

– Я люблю тебя, – упрямо повторила я, поджала губы.

Молча перевела взгляд на его ладонь, в которой скрывалось кольцо, разжала пальцы (он, конечно, не сопротивлялся), и сама же надела кольцо на палец.

– Моё кольцо и мой жених!

– Вот и умница, – улыбнулся он. – И всегда помни об этом, и никому меня не отдавай.

В этот день моя жизнь изменилась второй раз. Не нужно больше бояться, переживать, планировать, всё это за меня сделает мой мужчина. Именно рядом с ним я поняла, что не хочу бороться за свою жизнь, не хочу преодолевать трудности, я женщина, слабая и ранимая, нежная. И предназначена не для того, чтобы работать как лошадь, а только для того, чтобы любить его, единственного.

Только на следующий день не началась сказка, как, впрочем, и через три дня. Мы, словно два хищника, оказавшиеся в одной клетке по чужому принуждению. Вроде и понимали, для чего сошлись, только не получается всё выполнить по пунктам. Не рождается семья от одного слова «надо». И притираться не получалось. Данила дома практически не появлялся и дело здесь не только в его работе, а во мне, в частности. Казалось, он просто не знал, что со мной делать, о чём говорить и надо ли говорить вообще. Вроде всё просто: будущая жена, всё обсудили, друг друга поняли, но оказалось, что просто бросились на амбразуру и в итоге нам двоим стало тесно. Ему, потому как свободе пришёл условный конец, у меня в принципе вся жизнь изменилась в один момент. Даже спальня, которую он изначально предоставил, оказалась моим личным пространством. Не общим, а конкретно моим. И от этого всего было сложно. Плюс слова, сказанные, опять же, потому что так положено, стояли поперёк горла. И причины всех этих его мучений всё чётче стали вырисовываться в моём сознании. А в день, когда я решила на откровенный разговор, Данила пригласил меня посетить свой кабинет. Официально, по-деловому, как и все наши отношения за эти несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.